

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

И.Ю.Демичева

Майяский бестиарий: традиция, вариация и интерпретация зооморфизма в терракоте майя I тыс. н.э.

В статье рассматриваются особенности проявления зооморфизма в терракотовых статуэтках майя классического периода. Выделяются несколько вариантов зооморфных изображений и сюжетов. При анализе зооморфизма фигурок отмечаются сюжетные особенности, специфика технологических элементов, предлагается интерпретация четырех групп зооморфных терракотовых изображений. Оригинальность проработки и использование выразительных средств в фигуративной пластике при выражении зооморфизма позволяет выделить две его основные характерные черты: условность в создании собственно представителя фауны и высокохудожественность — в случаях их сакрализации. Немаловажным является опыт и мастерство мастера-изготовителя.

Ключевые слова: майя, терракота, фигурка, зооморфизм, животные.

DOI: 10.31857/S0044748X0008395-3

Статья поступила в редакцию 16.07.2019.

Известный французский этнолог, антрополог и этнограф Клод-Леви Стросс, изучавший все аспекты проявления тотемизма, выдвинул постулат, который гласит: «...Не столько еда, сколько пища для ума» (*Not “good to eat” but “good to think”*) [1, с. 89]. И действительно: какую роль играли и играют животные в развитии цивилизаций? Чем они являются для людей — пищей или источником мысли? Поклонение, обожествление, подчинение, приручение, использование, развлечение — по отношению к кому и на кого направлены эти действия? На человека или на животное, или все они взаимосвязаны? Перед исследователями, работающими в разных отраслях науки и культуры, в рамках которых изучаются способы взаимодействия

Ирина Юрьевна Демичева — кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Нижегородского филиала Московского гуманитарно-экономического университета (РФ, 603074 г. Нижний Новгород, шоссе Сормовское, д. 20, iudem@mail.ru).

животного мира, мира природы и человека, встает масса вопросов. Очевидно, что специфика природно-климатических условий являлась базовой характеристикой направления, по которому начиналось развитие той или иной цивилизации. Сакрализация животных, вплоть до обожествления, широкое использование при отправлении тех или иных религиозных обрядов, употребление в пищу или содержание в качестве домашних любимцев, утилитарное использование шкур, перьев, костей в быту и ремесле — все это в той или иной степени было характерно для абсолютно разных земель, регионов и континентов. Специфические черты представлены лишь в видовом разнообразии животных и в особенностях их восприятия человеком.

Животный мир майя классического периода занимал одно из ключевых мест в развитии цивилизации. Многочисленные зооархеологические изыскания с применением современных методов естественнонаучных дисциплин серьезно расширили наши представления о роли животных в жизни майя. Поэтому интересно взглянуть, как все аспекты отношения майя к животному миру нашли отражения в особых предметах искусства — терракотовых статуэтках.

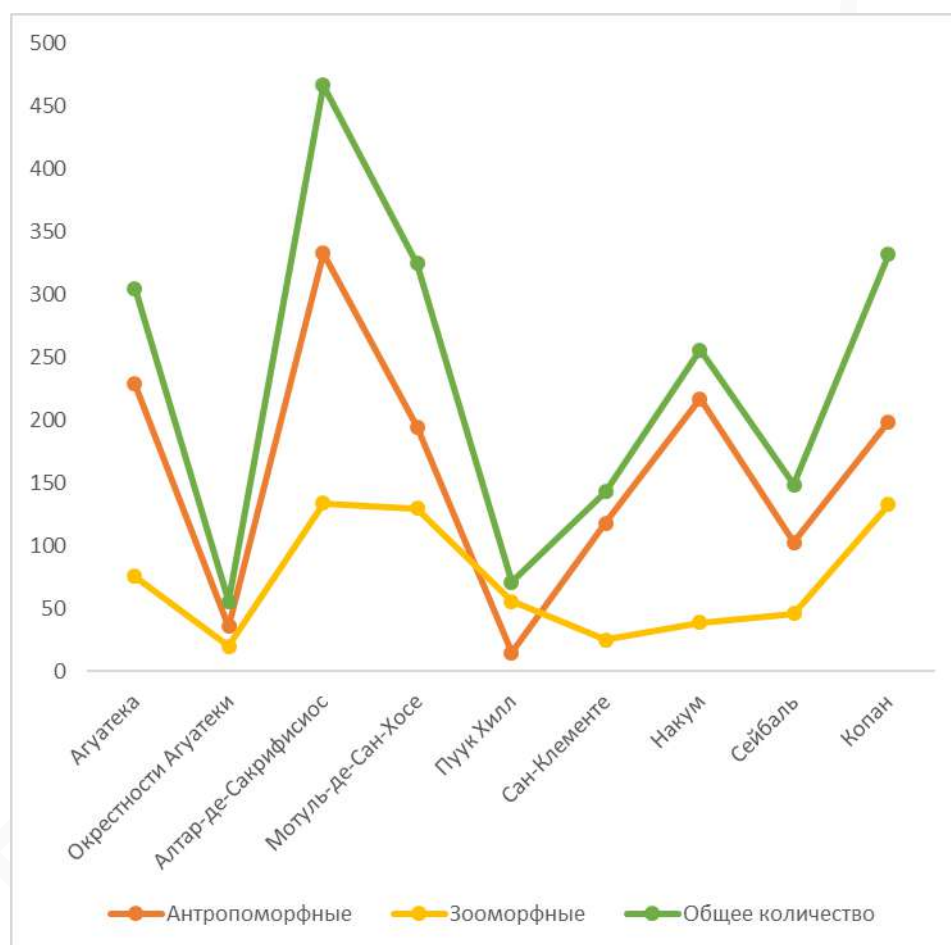
Зооморфизм в майяской фигуративной пластике I тыс. н.э. является довольно распространенным явлением. При этом практически все его разновидности поддаются определенной идентификации и интерпретации. Среди терракотовых фигурок встречаются несколько вариантов зооморфных изображений и сюжетов. К ним относятся фигурки представителей животного мира индейцев майя; парные статуэтки, где равноправными субъектами является как человек, так и животное; антропоморфные фигурки, где животные носят второстепенный характер (домашние животные, охотничий трофей и т.п.) или сопровождаются божествами; антропозооморфные изображения, по которым сложно точно идентифицировать — человек это с утрированными чертами животного или наоборот; животные мотивы в декоре, украшениях, костюме антропоморфных терракот. Для всех вышеуказанных вариантов зооморфизма характерны ряд особенностей как технологического характера (детали проработки фигурки), так и специфики их интерпретации.

Несмотря на то, что животные играли одну из ключевых ролей в жизни майя, терракот, изображающих представителей фауны, меньше, чем антропоморфных фигурок. Так, в среднем на 500 единиц терракот на фигурки животных приходится 1/3 часть от общего числа обеих групп. При этом следует учитывать региональные особенности (см. диаграмму 1). Например, по данным канадского археолога, антрополога цивилизации майя Кристины Хальперин, на 2009 г. в результате раскопок в *Puu's Hill* в Белизе было выявлено 72,7% антропоморфных фигурок и только 15% зооморфных от общего числа терракот [2, с. 224]. При этом их отличает высокая степень вариативности изображений.

Наиболее распространены были фигурки животных — обезьян, ягуаров, собак, оленей, кроликов, пекари. Американский историк и археолог Даниэлла Триадан, проанализировав зооморфные терракоты Агуатеки (Петен, Гватемала), указывает на преобладание там фигурок обезьян [3, с. 278]. Практически не уступают по количеству и фигурки птиц — сов, попугаев, грифов, а также птиц неопределенного вида (так называемые птица с гребешком на голове). Рептилии — змеи, мелкие ящерицы, игуаны, крокоди-

лы, черепахи — встречаются реже, как, впрочем, и некоторые представители земноводных, в частности лягушки [4, с. 66]. Таким образом, можно констатировать, что представлены все четыре категории животных, которых майя делили на четыре базовые группы. Основным критерием при этом был способ передвижения животных — ползающие (черепахи, змеи), ходящие (млекопитающие), летающие (насекомые, птицы, летучие мыши) и плавающие (рыбы) [5, с. 2].

Диаграмма 1. СООТНОШЕНИЕ АНТРОПОМОРФНЫХ И ЗООМОРФНЫХ ТЕРРАКОТОВЫХ ФИГУР

При изображении животных в данном виде мелкой пластики прослеживается определенная закономерность, которая обуславливается двумя факторами. Во-первых, большое значение имело мастерство того, кто, собственно, занимался изготовлением фигурок. Во-вторых, важным является то, кто представлен в образе животного, — непосредственно представитель фауны или наделенное зооморфными чертами божество. Простые схема-

тичные фигурки животных и птиц могли изготавливать рядовые представители общины, в частности, женщины в качестве игрушек для детей.

Предположение об использовании терракот в качестве детских игрушек выдвигали еще американские ученые-месоамериканисты Гордон Уилли [6, с. 8], Роберт Рэндс и Барбара Рэндс [7]. Этот вопрос рассматривается канадским исследователем Линн Раскейнски [8], а также Д.Триадан [3, с. 286]. Д.Триадан отмечает, что в позднюю классику статуэтки кладутся только в женские и детские погребения. Кроме того, во время раскопок в Агуатеке (Петен, Гватемала) большинство таких фигурок было выявлено вблизи мест проживания женщин и детей [3, с. 285]. Мексиканский археолог Роман Пинья Чан также упоминает, что зооморфные свистульки встречаются практически только в детских погребениях [9, сс. 52-59]. Размеры их относительно небольшие, мундштуки изготовлены специально для детей, взрослому человеку пользоваться ими крайне неудобно. К этому выводу пришла К.Хальперин, попробовав использовать такую свистульку по непосредственному назначению [2, с. 157]. Подобные фигурки животных и птиц чисто утилитарны, изображения не несут в себе очевидных сакральных подтекстов. Несмотря на то, что большая их часть сильно повреждена, они изготовлены крайне схематично, детали прорисованы условно.

Профессиональные мастера-коропласты делали фигурки животных более детализированными и хорошо проработанными, но, тем не менее, по качеству исполнения и выразительности они уступали антропоморфным. Такие терракоты встречаются реже и в ряде случаев хорошо сохранились. Вероятнее всего такие односубъектные фигурки представляли собой сакрализованное животное. В связи с этим интерес представляет парное изображение рыб. Тем более что сами по себе рыбы в терракоте практически не представлены. При этом интересно, что майя, жившие в разных областях, широко использовали в пищу как морскую, так и речную рыбу [10, с. 174-175]. В частности, ее солили и отправляли на рынок [10, с. 172; 11, с. 409]. А из костей рыбы изготавливались предметы для отправления религиозных обрядов [12, с. 179]. Все это подтверждается данными зооархеологических исследований.

Статуэтки выполнены очень реалистично, мелкие детали тщательно проработаны. Отметим, что ведущий американский фотограф, исследователь майя Джастин Керр, анализируя изображения рыб на расписной керамике (K3266 и K5225), интерпретирует изображения парных зубаток как отражение образов близнецов Пополь-Вух — Хун-Ахпу и Шбаланке [13]. Основным критерием становится прорисовка пятен подтреугольной формы на спинках рыб, подобные же пятна проявляются на лице Шбаланке. Д.Керр также ассоциирует зубатку со смертью, а изображенные рядом с ними солнца трактует как символ возрождения [13]. Возможно, представленные терракоты могли отражать некое воплощение этой пары. Отчасти такая парная символика может транслироваться на фигурки амфисбены (терракоты с двумя головами и одним туловищем). Чаще всего с двумя головами изображали птиц, реже животных.

Среди односубъектных терракот особого внимания заслуживают антропозооморфные изображения. Чаще они представлены изображениями человека в маске какого-либо животного или птицы, реже — животными с явными антропоморфными признаками. В первом случае такие терракоты

Рис. 1А

Рис. 1Б

являются музыкальными инструментами — свистульками. Анализируя некоторые такие фигурки-гибриды на примере человека в маске утки, К.Хальперин отмечает, что эти изображения могут быть связаны с богом ветра, который носит такую маску и при этом связан с музыкой [2, с. 120]. Так или иначе, но подобные антропозооморфные фигурки могли отражать представления майя о богах в их зооморфном облике. Кроме того, такие маски могли использоваться как элемент военного облачения или костюма при проведении религиозных обрядов. Практически все они выполнены с высокой степенью детализации, что свидетельствует об их значимости.

В отдельную группу можно выделить субъект-субъектные фигурки, в которых животное изображено наравне с человеком. В первую очередь это касается статуэток богини Луны с кроликом (Богиня I по Taube) [14, сс. 64-69] (рисунок 1А). Кролик изображен в полный рост, в набедренной повязке и украшениях. Чаще всего он располагался на коленях у богини и был наделен некоторыми антропоморфными чертами — внушительным размером и человеческой мимикой. Кроме того, в мифологии он наделяется качествами, свойственным, скорее, людям, нежели животным. Он хитер, ловок, умен, склонен к обманам и хулиганству и является символом богини Луны [15, с. 38; 16, сс. 117-125]. Кролик, по сути, один из главных трикстеров месоамериканской мифологии [17].

Иконографическая традиция изображения кролика на расписной полихромной керамике, в отличие от терракот, отличается плоскостным изображением, выстроенным динамическим сюжетом и специфической антропоморфизацией облика кролика при сохранении его человеческих поведенческих манер. Так, на вазе по каталогу Дж.Керра K2026 представлено

два ряда кроликов, не имеющих антропоморфных признаков. На вазе из района Наранхо (Петен, Гватемала) (K1398) представлен следующий сюжет: кролик ворует одежду у одного бога и передает ее другому [18, с. 196]. В данном случае тело кролика похоже на человеческое, и его поведение тоже близко к поведению человека. В сцене на вазе K5166 кролик находится на руках у богини Луны, он отличается большим размером и антропоморфизацией рук и ног. Кролик — сопроводитель богини в терракоте обычно бывает большого размера, а в расписной керамике встречаются маленькие и очень большие кролики. Сюжетная линия в фигурках трудноопределима, но изображение трехмерно, что не свойственно росписи по керамике.

Несмотря на столь значимую роль кроликов в мифологии, в быту майя часто употребляли их в пищу. Это подтверждают многочисленные данные по зооархеологии, где представлены результаты анализа костных останков обитателей местной фауны [19, с. 62; 20, сс. 249, 260; 21, с. 319]. Кроме того, в торговле мог использоваться мех этого животного [20, с. 272]. Эти объективные данные отражаются и в фигуративной пластике, что подтверждает фигурка охотника, несущего на поясе мертвого кролика в качестве добычи (K8569 а, b).

Не менее интересна объект-объектная фигурка из комплекса терракотовых статуэток из захоронения № 39, открытого в 2006 г. в Эль-Перу (Вака, Гватемала), изображающая сидящего на коленях мужчину со скрещенными на груди руками, рядом с которым находится олень. При этом животное сидит на одной ноге, согнутой в колене, вторая нога слегка отставлена в сторону. Передние ноги согнуты в локте, как у человека, копыта подпирают подбородок немного приоткрытого рта. Животное значительно выше человека, располагается с ним на одной циновке (подставке). Фактически олень наделен некоторыми антропоморфными чертами. Фигурки составляют единую композицию, проработка детальная. Видны остатки голубой, желтой и красной красок (рисунок 1Б). По всей видимости, данная композиция отражает совершение правителем обряда исцеления, а олень в данном случае выполняет роль духа покровителя [22, с. 44], т.е. вполне определенную сакральную функцию. Образ оленя довольно часто использовался в майяской иконографии. Это во многом связано с большой ролью данного животного в жизни населения. Благодаря ряду исследований удалось определить, что на оленей активно охотились и употребляли их в пищу. При этом была категория животных, которых целенаправленно откармливали для последующего использования в отправлении религиозных обрядов. Так, наряду с собаками, пекари, индейками, оленей откармливали кукурузой [23, с. 107]. По остеологическим данным удалось определить, что некоторые олени были явно дикими, а некоторые обитали в специально отведенном для них пространстве [24, с. 54]. К сожалению, сцены охоты на оленей в данной выборке не представлены, в отличие от ряда интересных фигурок человека с животным.

Среди субъект-объектных фигурок есть статуэтки, изображающие человека с каким-либо домашним животным или трофеем. Или, наоборот, — животного, по отношению к которому человек находится в подчиненном положении. Например, есть статуэтка мужчины, несущего на поясе зайца. В данном случае объект не обладает какими-то сакральными чертами, а

является всего лишь продуктом питания, мехом. Мастер хорошо проработал морду животного, туловище же — весьма условно, что, впрочем, не затрудняет идентификации объекта как зайца. На другом плече мужчина держит попугая. Птица изготовлена с большей тщательностью: хорошо прорисованы голова, клюв, крылья, видны следы голубой краски. Птицы также играли одну из ключевых ролей в жизни индейцев. Их использование, в свою очередь, не отличалось от способов применения других представителей фауны. Птиц отлавливали, употребляли в пищу, некоторых (индеек) откармливали и использовали для религиозных обрядов. Перья птиц широко применялись в декорировании костюмов, что хорошо представлено на антропоморфных терракотах. Кроме того, птица наделялась сакральными чертами: *moan bird* — символ бога смерти [25, с. 41], или птицы проводители божеств.

Наиболее распространены фигурки женщин с мелкими животными, в частности, с небольшими собачками. Как правило, собачки находятся в руке у дамы или располагаются на коленях. Мастера довольно хорошо прорабатывали морду животного, туловище отличает наличие четких границ. Хорошо читаются лапы и хвост. Шерсть же не прорисовывалась. Такое внимание к этим животным, по-видимому, связано с их широким использованием. В ходе зооархеологических изысканий, проводимых во время археологических раскопок, наиболее часто встречаются именно кости разных собак. Эти животные использовались довольно широко: их брали на охоту для выслеживания, захвата и убийства добычи [21, сс. 312-313]. Виды собак были весьма разнообразны [26, сс. 572-576], некоторые особи могли достигать до 45 см в холке [27, с. 190]. Широко представлены кости собак — от мелких до довольно крупных [11, с. 399].

По мнению американского антрополога и историка Мэссона Мэрилина, собаки могли также использовать при отправлении религиозных обрядов, во время праздников, для жертвоприношений [20, с. 271]. Собак, как и других животных, скорее всего целенаправленно откармливали. Проведя исследование костных останков на материале Сейбаля (Гватемала), американские антропологи и археологи отметили, что рацион питания собак, которых использовали для охоты, и животных, которых употребляли в пищу или для ритуальных целей, был разным [28, с. 3606]. Кроме того, кости и зубы собак также применялись в ритуалах [11, с. 412]. Не менее примечательно, что скелеты собак обнаруживали в человеческих захоронениях, пещерах, сенотах [11, с. 413]. Анализируя костные останки из Эль-Перу (Вака), американский зооархеолог Диана Фрейберг приводит сводную таблицу по ряду продовольственных ресурсов, где видно, что собаки могли употреблять в пищу [19, с. 63]. При этом собака считалась одним из символов бога смерти [25, с. 42], ассоциировалась с проводником в загробный мир или со стихией огня [29, с. 37].

На терракоте нам представлены маленькие домашние собачки, которых использовали в основном женщины, возможно, дети. Есть фигурки, где женщины за одну руку ведут ребенка, а в другой держат собачку. При этом хорошо сохранившихся отдельных фигурок собак крайне мало, в основном они представлены фрагментами или сильно повреждены, что косвенно указывает на активное использование статуэток в виде этого животного. Интересная трактовка фигурки подобного изображения собаки на коленях у женщины дана известными американскими историками-майянистами Сте-

Рис. 2А

Рис. 2Б

фаном Хоустоном, Дэвидом Стюартом и Карлом Таубе. Они предполагают, что на этой фигурке изображена женщина, которая продает собачку на рынке для последующего ее использования в пищу [18, с. 110].

Следующую группу среди субъект-объектных терракот составляют изображения антропоморфного божества с животным (птицей) сопроводителем. Наиболее репрезентативны среди таких фигурок статуэтки женщины-ткачихи с птицей. С большой долей вероятности можно предположить, что таким образом в терракоте могла изображаться Богиня О (*Goddess O* по Таубе) [14, с. 101], которая была покровителем деторождения, прядения, медицины. Сами птички прорабатывались детально, контуры прописывались четко, большое внимание уделялось оперенью. Иногда можно догадываться о видовой принадлежности птицы (попугай). Великий советский эпиграфист, историк, дешифровавший письменность майя Юрий Валентинович Кнорозов выделяет группу животных, «фигурирующих в качестве атрибутов персонажей» [30, с. 246]. Так, изображения птиц часто встречаются на женском головном уборе или самостоятельно, и могут указывать на божественное происхождение персонажа. Похоже, что в данных случаях птичка рядом с ткачихой играет роль дополнительного идентифицирующего маркера.

Очень запоминающейся среди субъект-объектных фигурок такого рода является статуэтка ягуара с о. Хайна (Кампече), перегрызающего горло человеку (рисунок 2А). В данном случае главным действующим лицом является ягуар, а не человек. Процесс запечатлен с высокой степенью детализации. Ягуар отчасти обладает антропоморфными чертами, он сидит, как человек. На его коленях располагается распластанный человек. Колени выгнуты, живот вспорот, мастер проработал и выпавшие внутренности. Одной рукой человек держит голову поедающего его животного, вторая упирается о колено. Шея свернута на бок, животное изображено откусывающим голову в области шеи. Ягуар огромен и страшен. При этом само жи-

вотное проработано схематично, в отличие от человека, внешний облик которого детализирован. Ягуара почитали и боялись, убивали и использовали шкуру и зубы в качестве трофеев. Кости ягуара (фаланги) были найдены при раскопках погребения № 39 в Эль-Перу (Вака, Гватемала), что может свидетельствовать о том, что погребенный или лежал на шкуре ягуара, или «носил» ее [31, с. 74]. Кроме того, образ ягуара рассматривался как критерий власти и являлся воплощением Бога Ягуара [32, с. 6].

Не менее интересна терракотовая статуэтка с о. Хайна, представленная в экспозиции Национального музея антропологии в Мехико. Фигурка выполнена в виде человека, сидящего на коленях, который крепко прижимает к себе большее животное, вероятно ягуара (рисунок 2Б). Животное сидит, пасть оскалена, оно находится в явной позе подчинения. Характерно, что морда животного проработана неплохо, четко прорисован нос, переносица, пасть и клыки, туловище и лапы лишь оконтурены и слиты с коленями человека. Композиционный акцент сделан на подчинении животного человеку; по этой фигурке видно, что животное явно оказывало сопротивление человеку, в отличие от описанной ранее фигурки, где подчиненное положение занимает человек. Кроме того, известно, что ягуары часто использовались в ритуальных целях [23, с. 105].

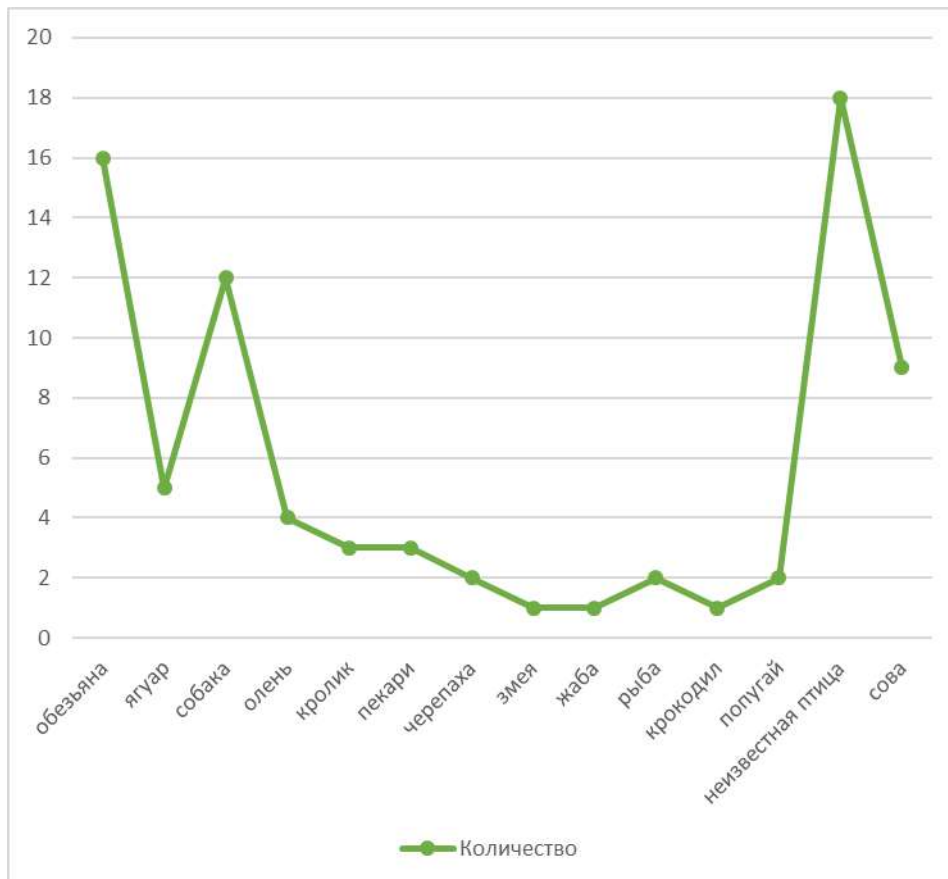
Различные зооморфные сюжеты широко представлены и в майяском костюме, и в татуировках. Это — богатые многоярусные головные уборы, украшенные птицами или животными. Встречаются головные уборы в виде открытых пастей хищников, шляпы в виде голов оленя. Высокие головные уборы декорировались перьями разной длины и окраски и (или) головами птиц. Костюм украшался всевозможными узорами, семантически связанными с зооморфной символикой. Геометрические рисунки часто зеркально воспроизводят рисунок змеиных шкур, которых майя сакрализировали (небесные змеи, Бог-Змей Йаш Чан) [33, с. 274]. Точечный орнамент и вертикальные насечки могли имитировать шкуру ягуара, наделяемого и положительными (защитник полей), и отрицательными качествами (оборотни).

Идентичные элементы декорирования представлены и на майяских татуировках, прорисованных на антропоморфных фигурках. Зооморфная символика майя очень многообразна. Американский антрополог-месоамериканист Инга Кэлвин отмечает, что анализ терракот в виде животных, помогает раскрыть суть отношений майя к окружающему миру и миру сверхъестественного, основанных, зачастую, на взаимодействии животного и человека [34, сс. 868-883].

Животный мир в терракоте довольно разнообразен. Несмотря на то, что по произвольной выборке (79 единиц) зооморфных сюжетов среди майяских фигурок классического периода преобладают представители млекопитающих и птиц, регулярно встречаются амфибии и рептилии (см. диаграмму 2). В каждом конкретном случае то или иное изображение необходимо рассматривать отдельно. Например, несмотря на то, что черепахе в мифологии майя отведено далеко не последнее место [35, сс. 7-10], в терракоте она встречается нечасто. Такие фигурки сильно повреждены или сохранились только их фрагменты, а крайне редкие целые экспонаты отличает схематизм и небрежность исполнения, косвенно указывающие на изображение просто черепахи без привязки к божественным символам. Или, наоборот, детально проработанная фигурка ан-

тропоморфного бога N в панцире черепахи (K2980). Схожая тенденция прослеживается при анализе фигурок змей и жаб.

Диаграмма 2. СООТНОШЕНИЕ ЖИВОТНЫХ ПО ВИДАМ В ТЕРРАКОТЕ

Описывая майяский зооморфизм, следует выделить некоторые закономерности, присущие именно глиняной фигуративной пластике. Немаловажным является опыт и мастерство мастера-изготовителя, которые можно определить по уровню и качеству проработки фигурки. Схематизм, условность, размытость форм, нечеткость линий может указывать на малоопытного изготовителя или на субъекта, целью которого не было создание уникального продукта; он работал на удовлетворение рядовых бытовых нужд общины. Высокохудожественность, тщательность прорисовки, внимание к деталям свидетельствует о мастерстве коропласта.

Необходимо учитывать и то, кого конкретно мастер воплощает в своем произведении. Если фигурка изображает обычное животное и предназначена для практического использования, проработана она будет соответствующим образом и не особенно тщательно. Если же персонаж сакрализован или тем или иным образом связан с божеством, то прорисовка будет более точной и тщательно выверенной. В целом специфика проработки

и использование выразительных средств в фигуративной пластике при выражении зооморфизма позволяют выделить две его основные характерные черты — условность при создании собственно представителя фауны и высокохудожественность — в случаях их сакрализации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Lévi-Strauss C. Totemism. London, Merlin Press, 1991, 116 p.
2. Halperin C.T. Maya figurines. Intersection between State and Household. Austin, University of Texas Press, 2014, 320 p.
3. Triadan D. Warriors, nobles, commoners and beasts: figurines from elite buildings at Aguateca, Guatemala. *Latin American Antiquity*, 2007, vol. 18, N 3, pp. 269-293.
4. Piña R.C. Jaina. La casa en el agua. México, Instituto Nacional de Antropología e Historia, 1968, 138 p.
5. Bassie K. Maya Creator Gods. Available at: <http://www.mesoweb.com/features/bassie/CreatorGods/CreatorGods.pdf> (accessed 11.07.2019).
6. Willey G.R. The artifacts of Altar de Sacrificios. *Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology*, Harvard University, Peabody Museum Cambridge, U.S.A. Massachusetts, 1972, vol. 64, N 1, 292 p.
7. Rands R., Rands B.C. Pottery figurines of Maya Lowlands. *Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin, University of Texas Press, 1965, vol. 2, pp. 535-560.
8. Ruscheinsky L.M. The social reproduction of gender identity through the production and reception of Lowland Maya figurines. Unpublished Ph.D. dissertation, Department of Art History, Visual Art and Theory, University of British Columbia, Vancouver, Canada, 2003, 429 p.
9. Piña C.R. Las figurillas de Jaina., *Arqueología Mexicana*, 1996, N 3(18), pp. 52-59.
10. Masson V.A., Lope P.C. Animal use at the Postclassic Maya center of Mayapan., *Quaternary International*, 2008, N191, pp. 170-183. Available at: https://www.academia.edu/2939791/Animal_use_at_the_Postclassic_Maya_center_of_Mayapan (accessed 13/07/2019).
11. Emery K.F., Thornton E.K., Cannarozzi N.R., Houston S., and Escobedo H. Animals of the Southern Maya Highlands: Zooarchaeology of Kaminaljuyu. *The Archaeology of Mesoamerican animals, Archaeology 1*, ed. Göts C.M. and Emery K., Atlanta, Lockwood. 2013. pp. 381-416.
12. Thelma S.S., Nayeli G. Jiménez C., Fishing in the northern Maya lowlands AD 250–750: preliminary analysis of fish remains from Xcambo, Yucatan, Mexico. *Environmental Archaeology*, 2015, N21 (2), pp. 172-181.
13. Kerr J. A fishy story Available at: <http://www.mayavase.com/fishy.html> (accessed 11.07.2019).
14. Taube K.A. The major Gods of Ancient Yucatan. *Studies in Pre-Columbian art and Archaeology*, Dumbarton Oaks research library and collection. Washington, D.C, 1992, N 32, 168 p.
15. Березкин Ю.Е. Зооморфные трикстеры: закономерности ареального распределения. Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме. Отв. ред. Родионов М.А. Санкт-Петербург, МАЭ РАН, 2014, сс. 29-42. [Berezkin Yu. E. Zoomorfnye trikstery: zakonornosti areal'nogo raspredeleniya. [Zoomorphic trickster: patterns of areal distribution]. Bestiarii III. Zoomorfizmy v traditsionnom universume. [Bestiary of III. Zoomorphisms in a traditional universum.]. St. Petersburg, MAE RAN, 2014, pp. 29-42.
16. Красулин Е.А. Богиня Луны в мифологии индейцев майя. *Латинская Америка*. М., 2000. №8. сс. 117-125. [Krasulin E.A. Boginya Luny v mifologii indeitsev maiya [The Goddess of the Moon in mythology of Indians of the Maya]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2000, N 8, pp.117-125 (In Russ).
17. Березкин Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. [Berezkin Yu.E. Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog [Thematic classification and distribution of folklore and mythological motives by

areas. Analytical catalog (In Russ)]. Available at: <http://newstar.rinet.ru/kozmin/berezkin/112-22.html> (accessed 12.07.2019).

18. Houston S., Stuart D., Taube K. The Memory of bones. Body, being, and experience among the Classic Maya. Austin, University of Texas Press, 2006, 324 p.

19. Fridberg D. Analysis of Faunal Remains from the Paal Residential Group (Operation 5), El Perú-Waka', Petén. Manuscript on file, Department of Anthropology, Washington University in St. Louis, St. Louis, MO, 2010, 106 p.

20. Masson M.A., Lope C.P. Animal Consumption at the Monumental Center of Mayapán. *The Archaeology of Mesoamerican animals, Archaeology 1*, ed. Göts C.M. and Emery K., Atlanta, Lockwood, 2013, pp. 233-280.

21. Brown L.A., Emery K.F. Negotiations with the Animate Forest: Hunting Shrines in the Guatemalan Highlands. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 2008, vol. 15, Issue 4, pp 300-337. Available at: https://www.academia.edu/216681/Negotiations_with_the_Animate_Forest_Hunting_Shrines_in_the_Guatemalan_Highlands (accessed 13.07.2019).

22. Freidel D., Rich M., Reilly K.F III, "Resurrecting the Maize King." Figurines from a maya tomb bring a royal funeral to life. *Archaeology*, 2010, N 63(5), pp. 42-45.

23. Emery K.F. Animals from the Maya underworld: reconstructing elite Maya ritual at the Cueva de los Quetzales, Guatemala. *Behaviour Behind Bones. The zooarchaeology of ritual, religion, status and identity. Proceedings of the 9th Conference of the International Council of Archaeozoology, Durham, August 2002*. Edited by Sharyn Jones O'Day, Wim Van Neer and Anton Ervynck. Oxbow Books, 2004. pp. 101-113.

24. Montero-Lopez C. Sacrifice and feasting among The Classic Maya elite, and the Importance of the white-tailed deer: is there a regional pattern? *Journal of Historical and European Studies*, 2009, vol. 2. pp. 53-68. Available at: <http://www.ia.unam.mx/investigacion/proyectos/sitios/RLiendo/publicaciones/Montero2009.pdf> (accessed 13.07.2019).

25. Schellhas P. Representation of deities of the maya manuscripts. *Papers of the Peabody Museum of American archaeology and ethnology*. Harvard University, Cambridge, Mass. Published by The Museum, 1904, vol. IV. N 1. pp. 5-47.

26. Valadaz A.R., Blanco P.A., Rodríguez B. G., Pérez R.G. The dog in the Mexican archaeozoological record. *The Archaeology of Mesoamerican animals, Archaeology 1*. ed. Göts and Emery. Atlanta, Lockwood, 2013, pp. 572-576.

27. Azua R.V., Gudinob B.P. and Gulicia B.R. Entierros de perros descubiertos en la Antigua ciudad de Tula. *Latin American Antiquity*, 1999, vol. 10, N 2, pp. 180-200.

28. Sharpe A.E., Emery K.F., Inomata T., Triadand D., Kamenove G. D., Krigbaum J. Earliest isotopic evidence in the Maya region for animal management and long-distance trade at the site of Ceibal, Guatemala. *Proceeding of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2018, vol 115, N 14, pp. 3605-3610. Available at: <https://www.pnas.org/content/pnas/115/14/3605.full.pdf> (accessed 14.07.2019).

29. Foreman L. The Truth about Deer, Turtles, and Dogs: An examination of Ancient Maya Human-Faunal Interactions. *Totem: The University of Western Ontario Journal of Anthropology*, 2004, vol. 12: Iss. 1, Article 6, pp. 32-48.

30. Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М.-Л., Академия наук СССР. Институт Этнографии, 1963, 665 с. [Yu.V. Knorozov. Knorozov Pis'mennost' indeitsev maiya [Writing of Indians of the Maya]. Moscow-Leningrad, Academy of Sciences of the USSR. Institute of Ethnography, 1963, 665 p.

31. Rich M., Matute V. The Power of the Past: Crafting Meaning at a Royal Funerary Pyramid. *Archaeology at El Perú-Waka'. Ancient Maya Performances of Ritual, Memory, and Power*. Ed. By Olivia C. Navarro-Farr and Michelle Rich. The University of Arizona Press, 2014, pp. 66-84.

32. Кнорозов Ю.В. Пантеон древних майя. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., Наука, 1964, 12 с. [Yu.V. Knorozov. Panteon drevnikh maiya. VII Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk [Pantheon of ancient Maya. The VII International congress of anthropological and ethnographic sciences]. Moscow, Nauka, 1964, 12 p.

Ирина Демичева

33. Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. Л., Академия наук СССР. Институт Этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Наука, 1975, 274 с. [Yu.V. Knorozov Ieroglificheskie rukopisi maiya [Hieroglyphic manuscripts of the Maya]. Moscow, Nauka, 1969, 274 p.

34. Calvin I. Were the Wayob live: A further examination of Classic Maya supernatural. *The Maya vase book*, 1997, vol.5, pp. 868-883.

35. Zender M. Teasing the Turtle from its Shell: AHK and MAHK in Maya Writing. *The PARI Journal*, 2006, vol. VI, N 3, pp. 1-14. Available at: <http://www.mesoweb.com/pari/journal/archive/PARI0603.pdf> (accessed 14.07.2019).

Irina Yu. Demicheva (iudem@mail.ru)

Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of General humanitarian disciplines of Nizhny Novgorod Institute (branch) of the Moscow Humanitarian and Economic University

20, shosse Sormovskoe, 603074 Nizhny Novgorod, Russian Federation

Mayan bestiary: tradition, a variation and interpretation of a zoomorphism in a Mayan terracotta of the I millennium AD.

Abstract. In article are considered features of a zoomorphism in terracotta figurines of the Maya of the classical period. It is possible to allocate several types (variants) of zoomorphous images. There are distinguished plot features, specifics of technological elements and proposed interpretation of four groups of zoomorphic terracotta images. The originality of the study and the use of expressive means in figurative plastic in the expression of zoomorphism, makes it possible to highlight two of its main characteristic features: conditionality in the creation of the representative of fauna itself, and high-character in cases of their sacralization. The experience and skill of the master manufacturer is important.

Key words: maya, terracotta, figure, zoomorphism, animals.

DOI: 10.31857/S0044748X0008395-3

Received 16.07.2019.